

Глава 1

Хан Сиэнь открыл глаза. Взглянув на знакомый полог кровати и расписные потолочные балки, он лишь тихо, горько усмехнулся. В уголках его губ и в холодном взоре сквозила неприкрытая насмешка.

Он медленно приподнялся и сел, спуская ноги на пол. Истощенное долгой болезнью тело слушалось плохо: колени дрожали, а в голове шумело, так что даже эти несколько шагов дались ему с большим трудом — он шел, покачиваясь и едва удерживая равновесие.

Всё было в точности как в его воспоминаниях: слуги, которым полагалось дежурить в покоях наследника, разбежались кто куда, понадеявшись на безнаказанность. Шорох его шагов так никто и не услышал.

Хан Сиэнь подошел к столу и остановился. Рядом сиротливо примостилась старая, изрядно потрепанная ширма с блеклым узором в виде порхающих бабочек. На самой столешнице царил беспорядок: среди разбросанного хлама лежала полуоткрытая деревянная шкатулка, в глубине которой тускло поблескивало несколько обрезков серебра.

Но приковали его взгляд не деньги, а пустая пиала из-под лекарства. На ее донышке еще темнел подсохший осадок, источавший тяжелую травяную горечь. Прямо рядом с ней лежало круглое зеркало размером чуть больше ладони, покрытое плотным слоем серой пыли.

Даже по этим мелочам становилось ясно, насколько распушенной, дерзкой и ленивой была здешняя прислуга.

Хан Сиэнь провел пальцами по стеклу и вгляделся в отражение. Это лицо когда-то, несомненно, отличалось редким изяществом, но теперь из-за мертвенной бледности, проступившей синевы под глазами и крайней степени истощения оно казалось пугающим и болезненно-мрачным.

Постороннему человеку сейчас почудилось бы, что обтянутый тонкой кожей череп держится лишь на хрупких, похожих на сухие ветки ключицах — зрелище поистине жуткое.

Хан Сиэнь тихо рассмеялся и коснулся пальцами ввалившейся щеки. Даже зная, что это происходит с ним не впервые, он не мог не поразиться странности бытия.

Какими бы путями ни вела его судьба, в конце его всегда ждало это лицо и это имя — Хан Сиэнь.

Собственно, имя и черты лица человека в зеркале до мельчайших подробностей совпадали с его собственными из прошлой жизни, однако этот юноша не был им.

Сам он родился в высокотехнологичную эпоху нового времени, тогда как его двойник являлся болезненным наследником Поместья герцога Хань из династии Великая Чжоу. Две совершенно разные эпохи, две разные судьбы, и тем не менее он уже в третий раз просыпался в теле этого молодого господина.

При этой мысли в его глазах блеснула искра веселья. Но этот взгляд, темный и пронизывающий до костей, даже когда светился смехом, заставлял содрогнуться от необъяснимого холода.

Хан Сиэнь медленно прислонился к краю стола. Раз уж судьба упорно возвращает его в это тело, почему бы на этот раз просто не пожить в свое удовольствие? Любопытно ведь узнать, что именно так крепко привязало его мятежную душу к этому миру, раз даже после трех смертей его дух так и не отпустили в круговорот перерождений.

А ведь он по-настоящему мечтал испить отвар матушки Мэн, перейти через Мост Беспомощности и, погрузившись в воды реки Забвения, стереть из памяти всё без остатка.

Да, Хан Сиэнь умирал трижды, и всякий раз это был его осознанный выбор. Точнее сказать, его первая смерть предопределила последующие две.

В своей первой жизни, в современном мире, он был сиротой. Из раннего детства, до того как его отдали в приют, в памяти стерлись почти все воспоминания, кроме смутного образа отца. Тот был смертельно напуган и, лихорадочно сжимая плечи маленького сына, раз за разом наказывал его: никогда, ни при каких обстоятельствах не использовать «ту» способность. Он просил лишь об одном — спрятаться так, чтобы его никто и никогда не нашел.

Затем какой-то незнакомец увез его далеко-далеко. Они постоянно переезжали с места на место, прячась по трущобам и голодая неделями. Из-за вечного недоедания мальчик рос слабым и выглядел гораздо моложе своих лет. В конце концов его просто бросили у ворот приюта.

Это сиротливое бегство осталось его последним и самым туманным воспоминанием о семье.

Повзрослев, он осознал свою проклятую особенность: он умел слышать чужие мысли. В детстве, не зная, как обуздать этот дар, он пытался отгородиться от чужих голосов, но отчаянные попытки лишь заставляли его концентрироваться сильнее. В итоге разум перенапрягался, он падал в обморок от истощения, после чего неделями метался в лихорадке.

Приют был жестоким местом, где дети ежедневно боролись за выживание. Хан Сиэнь, слишком рано узнавший грязные тайны окружающих его людей, панически боялся любого сближения. Он замкнулся в себе, прослав среди сверстников нелюдимым и угрюмым чудаком.

Пару раз его пытались усыновить, но он наотрез отказывался идти в приемные семьи. Другие сироты платили ему взаимной неприязнью, обходя стороной и вытесняя из своего круга. Он

всегда оставался один на один со своим одиночеством.

Пока в приюте не появился Юнь Чжоу.

Юнь Чжоу отличался от прочих детдомовцев, которые даже не помнили лиц своих матерей. Он помнил о своей семье всё. Мальчика похитили торговцы людьми и жестоко избили, сломав ему ногу, а после того как полиция накрыла банду, искалеченного ребенка временно определили в приют.

Юнь Чжоу в деталях помнил имена родителей, их лица и домашний адрес. Но когда сыщики проверили указанное им элитное поместье, оказалось, что дом давно продан, а владельцы съехали в неизвестном направлении. Отыскать их след так и не удалось, и Юнь Чжоу официально признали сиротой.

Ему было шесть, когда он переступил порог приюта. Несмотря на пережитый ужас, его сердце осталось чистым, а главной мечтой было найти родителей. Его нисколько не пугал угрюмый, нелюдимый Хан Сиэнь. Напротив, Юнь Чжоу так и вился вокруг него, хромая на не до конца зажившую ногу, вовлекая в игры и не замолкая ни на минуту. Но характер Хан Сиэня к тому времени уже окончательно испортился — он упорно игнорировал назойливого мальчишку.

Всё изменилось в один из дней, когда директор приюта в очередной раз лишил Хан Сиэня обеда в наказание за какую-то провинность. Юнь Чжоу тайком пробрался в столовую и украл для него пресную пампушку. Попавшись под горячую руку воспитателям, мальчик получил жестокую взбучку. Но когда Хан Сиэнь невольно вслушался в его мысли, то опешил: избитый Юнь Чжоу искренне радовался, думая, что побои — сущая ирония, ведь теперь его друг не останется голодным.

С этого момента Хан Сиэнь впустил его в свое израненное сердце.

Шли годы. Поддерживая друг друга, они закончили университет, и за это время их дружба переросла в нечто большее. Однако после выпуска Юнь Чжоу столкнулся с суровой реальностью: из-за застарелой травмы ноги он сильно хромал, что вызывало лишь насмешки и безразличие работодателей. В конце концов после череды унижений его уволили.

Долгое время Юнь Чжоу перебивался тяжелым черновым трудом, где его неловкость постоянно становилась поводом для бранных окриков и издевательств бригадиров.

Видя, как изнуряет себя любимый человек, Хан Сиэнь, прежде мечтавший лишь о тихой безвестности, почувствовал, как сжимается от боли его сердце. Он уговорил Юнь Чжоу начать собственное дело.

Открытие бизнеса с нуля — затея почти безнадежная, но феноменальный дар Хан Сиэня сводил любые трудности к минимуму.

Когда-то, научившись подчинять себе эту силу, он поклялся, что никогда, даже под угрозой голодной смерти, не прибегнет к ней. Он отчаянно цеплялся за иллюзию нормальной жизни, мечтая раствориться в толпе обычных людей. Годами он держал свои способности под надежным замком, что требовало от него колоссального душевного напряжения. Но, не в силах больше смотреть на то, как Юнь Чжоу обивает пороги кабинетов и унижается перед инвесторами, Хан Сиэнь нарушил клятву. Один раз, другой, третий...

Чтение мыслей забирало слишком много сил. Достаточно было воспользоваться им пару раз за день, чтобы виски начинала разрывать невыносимая мигрень, а перед глазами все плыло. И все же игра стоила свеч: выведая из глубин чужого сознания всего несколько ключевых деталей, они раз за разом выигрывали самые безнадежные сделки.

Когда бизнес Юнь Чжоу наконец пошел в гору, объявилась его давно потерянная семья. Родители со слезами на глазах уверяли, что в год его исчезновения их фирма обанкротилась, и они попросту не смогли уберечь сына от похитителей. Все эти годы они якобы бежали от долгов, жили под чужими именами в нищете и не имели средств на его поиски. Юнь Чжоу выслушал это признание молча, не опровергая, но и не принимая его на веру.

Хан Сиэнь же наотрез отказался общаться с его новоявленной родней. Ему хватило одной короткой ментальной вспышки, чтобы понять, насколько корыстными и лживыми были эти люди.

В день двадцатипятилетия Хан Сиэня они устроили тихий праздник на двоих. Тот вечер казался на редкость уютным и безмятежным. В мягком сиянии свечей Юнь Чжоу улыбался так нежно и красиво, что Хан Сиэнь на миг поверил в абсолютное счастье.

А когда он снова открыл глаза, то обнаружил, что прикован к операционному столу в секретной подземной лаборатории. Из циничных мыслей суетившихся вокруг людей в белых халатах он сразу же узнал горькую правду: его продал Юнь Чжоу.

С этого дня начался его личный ад. У него непрерывно брали кровь, вводили неизвестные препараты и проводили жестокие тесты. На его теле больше не осталось ни одного живого места, не покрытого шрамами.

Лампы дневного света в стенах лаборатории горели круглосуточно, стирая границы между днем и ночью. Физическая боль не прекращалась ни на миг. Поначалу она казалась ничтожной по сравнению с той раной, что оставило в его душе предательство, но со временем он привык и к телесным мукам.

Человеческое тело способно приспособиться ко всему.

Панически боясь его способности читать мысли, ученые держали его под воздействием сильных психотропных веществ, лишая рассудка и воли. Чтобы подопытный не скончался раньше времени, ему регулярно ставили капельницы с питательным раствором и давали ровно столько еды, чтобы он мог дышать.

В этой клетке он провел долгих десять лет. Десять лет непрекращающихся истязаний, когда старые раны не успевали затягиваться под напором новых разрезов. Время от времени его подвергали изощренным пыткам, пытались искусственно стимулировать мозговую активность во время телепатических сеансов.

Все эти годы его преследовал удушливый, липкий запах крови, смешанный с едким ароматом антисептиков. Сначала от него выворачивало наизнанку, но постепенно это зловоние стало для него привычной атмосферой.

Точно так же, как и воспоминания о Юнь Чжоу: поначалу они вызывали дикую, спазматическую боль в груди, но со временем и эта рана покрылась толстым слоем равнодушного пепла.

Однако из-за огромного количества хлынувших в его кровь химикатов организм выработал иммунитет. Разум Хан Сиэня очистился от наркотической дымки, став острым как бритва. Пробудился и его дар — теперь он улавливал не обрывки чужих мыслей, а мог часами удерживать мысленный контакт с любым человеком. Он осознанно тренировал эту способность каждый божий день.

Возможно, платой за такое перенапряжение стало то, что он начал стремительно дряхлеть. Органы отказывали один за другим, тело увядало на глазах.

Охрана была беспрецедентной. Камера, где его держали, просматривалась со всех ракурсов десятками объективов. Стоило ему обмолвиться хотя бы парой слов с кем-то из лаборантов, как на следующее утро этот человек бесследно исчезал из института.

Но даже под таким надзором он умудрялся выкапывать из чужих душ самые грязные, потаенные страхи. Лежа на операционном столе, он лениво нашептывал их мучителям, сея панику и безумие в их рядах. Наслаждаясь тем, как эти хладнокровные убийцы в белых халатах бьются в истерике и умоляют его замолчать, он хрипло и торжествующе хохотал.

В конце концов руководство лаборатории потеряло терпение. К тому моменту он окончательно превратился в живого мертвеца, его клетки больше не регенерировали, а анализы пророчили скорую кончину.

Решив выжать из него последнюю пользу, ученые назначили дату трепанации черепа. Хан Сиэнь не испытывал страха. Напротив, в глубине души он ждал этого дня с предвкушением — эта жизнь давно ему опостылела. Его разум оставался ясным, но искалеченное тело было слишком слабым, чтобы он мог покончить с собой. И теперь, когда избавление было близко, его охватил тихий восторг.

Однако в самый день операции комплекс содрогнулся от мощного взрыва. Пользуясь поднявшейся суматохой, в его палату ворвался незнакомый лаборант и бросился срезать путы. Хан Сиэнь прислушался к его паническим мыслям: парня нанял Юнь Чжоу. Его прислали, чтобы спасти его.

Но долгожданная свобода больше не манила его. Он не хотел уходить.

Проводник плохо ориентировался в лабиринтах подземных коридоров, ведя его в сторону, противоположную эпицентру пожара. По пути им помогали другие заговорщики. Их мысли сливались в единый тревожный гул, в котором без конца повторялось одно и то же имя: «Юнь Чжоу». Хан Сиэнь слушал это равнодушно, его сердце оставалось мертвым.

Когда они наконец выбрались на поверхность, спаситель незаметно растворился в темноте. Оказавшись у ворот полыхающего здания, Хан Сиэнь увидел Юнь Чжоу. В глазах бывшего возлюбленного застыл дикий ужас, неверие, смешанное с запоздалым раскаянием и щемящей болью.

Задыхаясь от нахлынувших чувств, Юнь Чжоу сделал к нему нетвердый шаг, умоляюще протягивая руки. Но Хан Сиэнь лишь спокойно отступал назад. На глазах у обезумевшего от ужаса предателя он развернулся и шагнул обратно в пылающий ад лаборатории. Секундой позже прогремел решающий взрыв, похоронив его под обломками.

Десять лет назад он не принадлежал этому месту. Десять лет его держали здесь как зверя в клетке. И вот теперь он нашел тут свою смерть — прямо на глазах у раскаявшегося Юнь Чжоу. В тот последний миг Хан Сиэнь осознал, что его ненависть все еще жива. Он когда-то отдал этому человеку все, что имел, а взамен получил десятилетие пыток, балансируя между жизнью и смертью.

Сгорая в очищающем пламени, он уносил с собой безграничную злобу. Последней его мыслью было:

«Юнь Чжоу, ты смог так легко растоптать меня лишь потому, что я без памяти любил тебя, верил тебе и никогда ни в чем не сомневался. Но теперь этой любви нет. Нет и доверия. Я больше не желаю тебя знать. Я умираю здесь, и ты больше ничего не сможешь мне сделать»

Он надеялся обрести покой в небытии, но судьба распорядилась иначе. Очнувшись после взрыва, он обнаружил себя в теле молодого наследника Поместья герцога Хань — болезненного юноши, только что испустившего дух в неизвестной династии Великая Чжоу.

Прежний владелец этого тела с младенчества отличался хрупким здоровьем и не вылезал из постели. Едва оправившись от очередного приступа, он умудрился упасть в пруд, после чего слег окончательно и через несколько дней тихо скончался.

Тут-то в него и вселилась душа Хан Сиэня. Жизнь по-прежнему не имела для него ценности, но, заняв чужую телесную оболочку, он не хотел оставаться в долгу. Разузнав, кто именно подстроил несчастный случай с падением в воду, Хан Сиэнь хладнокровно зарезал убийцу, отомстив за несчастного юношу, а затем без колебаний осушил чашу со смертельным ядом — желчью павлина.

Каково же было его удивление, когда после мучительной смерти от яда он снова открыл глаза в той же постели и в том же теле!

Размышляя над этой нелепицей, Хан Сиэнь пришел к выводу, что покойный наследник, должно быть, счел его месть слишком быстрой и поверхностной, ведь главный кукловод остался безнаказанным.

Тогда во вторую свою попытку он задержался здесь на целый год. Кое-как подлечив дряхлеющее тело, он примерил на себя маску разнузданного, не знающего удержки повесы, принявшись методично превращать в ад жизни всех, кто был причастен к гибели истинного Хан Сиэня — как прямо, так и косвенно.

Безошибочно вычисляя уязвимости своих врагов, он травил мужчин Герцогского поместья сомнительными снадобьями, бродил по ночам в саване, доводя их до полусмерти. В итоге те лишились сна и мужской силы, превратившись в дерганных параноиков. Вскоре погрязшее в хаосе поместье потрясла череда скандалов: молодые невестки начали в открытую изменять своим недееспособным мужьям с дворовыми слугами.

Когда репутация Герцогского поместья пала так низко, что приличные люди брезговали даже произносить их имя, Хан Сиэню наскучила эта игра. Оставив родственничкам расхлебывать заваренную кашу, он вновь выпил яд и закрыл глаза.

И вот теперь, едва расставшись с жизнью во второй раз, он снова очнулся. Всё в той же душной комнате, всё тем же немощным наследником.

Эта фантасмагория наконец-то пробудила в нем искреннее любопытство.

Что ж, он согласен остаться. Он поживет в этой несуществующей в хрониках империи Великая Чжоу и лично выяснит, какая неведомая сила с таким завидным упорством держит его на этом свете.

Хан Сиэнь посмотрел на свое отражение и насмешливо выгнул бровь. В прошлой жизни он настрадался сполна, так почему бы теперь не брать от судьбы всё, что вздумается? Смерть его больше не пугает, а значит, преград для него не существует.

В этот момент снаружи послышался приглушенный женский смех и обрывки праздной болтовни. Хан Сиэнь замер. Его взгляд скользнул по лежащему на столе пыльному зеркалу. Он прищурился, а затем ленивым, небрежным движением смахнул его на пол.